Бестселлер *Amazon*

ДЖЕЙК ДЖОНС

ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ?

ВСТРЕЧИ С ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ ФЕЛЬДШЕРА СКОРОЙ ПОМОЩИ

Спасая Жизнь: ИСТОРИИ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Спасая жизнь. Истории от первого лица

Джейк Джонс

Вы меня слышите? Встречи с жизнью и смертью фельдшера скорой помощи

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

Джонс Д.

Вы меня слышите? Встречи с жизнью и смертью фельдшера скорой помощи / Д. Джонс — «Издательство АСТ», 2020 — (Спасая жизнь. Истории от первого лица)

ISBN 978-5-17-120908-7

У молодого человека останавливается дыхание в туалете супермаркета. Пешеход с серьезной травмой головы не подпускает к себе бригаду скорой на загруженной дороге. Новорожденный внушает тревогу, потому что ведет себя слишком тихо. Наркоманка, которой не дали дозу, мочится на пол в машине скорой помощи. Все это – будни фельдшера. Джейк Джонс более десяти лет работает в британской службе скорой помощи. Каждый день он становится свидетелем десятка сцен, которые мы никогда бы не хотели увидеть. «Вы меня слышите?» – первая фраза по прибытии на место происшествия. Это истории о хаосе, сильных переживаниях и редких моментах красоты жизни на переднем крае медицины. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-120908-7

© Джонс Д., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог 6
Пожилая затворница серьезно больна, но отказывается от помощи 7
Рассерженный молодой человек дерется с полицейской машиной до потери сознания 12
Новорожденный слишком тихо себя ведет 17
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Джейк Джонс
Вы меня слышите? Встречи с жизнью и смертью фельдшера скорой помощи

Памяти моего папы

Jake Jones
CAN YOU HEAR ME?
A PARAMEDIC'S ENCOUNTERS WITH LIFE AND DEATH

All rights reserved
First published in Great Britain in 2020 by Quercus

Перевод с английского
Марии Зубовой и Анны Лобановой

© Jake Jones 2020
© М. В. Зубова, перевод, 2020
© А. В. Лобанова, перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

Машина скорой помощи уже проехала полпути до больницы, и тут Сэмюэль поднимает ногу и высовывает ботинок в окно.

Дело происходит вечером, погода сырая, улицы сочатся раздражением, наш шофер петляет сквозь плотный трафик и включила сирену на полную мощность. Но для этого района мигалки и сирены – не новость, и никто не задерживает на нас внимания. Разве что кто-то замечает эту ногу.

В салоне с Сэмюэлем находятся два медика и полицейский. Мы ничего не можем поделать с торчащей конечностью, потому что мы изо всех сил стараемся не дать Сэмюэлю упасть с койки. Он напрягает мышцы, извивается, хватается за все вокруг и стонет. Он – как рыба, вытащенная из воды, как дергающийся кабель под током.

«Все хорошо, приятель. Тебе ничего не грозит».

Мы вот-вот восстановим работу его сердца. Когда мы тронулись, он был спокоен, его охватило нечто вроде ступора. Но сейчас мозг проснулся и столкнулся с ощущением, что его в чем-то обманули, и теперь пациент брыкается, вертится, утыкается лицом в пол. И пытается выбраться из машины по частям, по одной конечности.

Ступня еле пролезает в окно, практически бойницу, мелькающую над койкой. Попасть в него ногой – большое достижение даже для мужчины в расцвете сил.

И уж тем более для Сэмюэля, который пятнадцать минут назад был мертв.

Пожилая затворница серьезно больна, но отказывается от помощи

Стоит только открыть дверь – он тут как тут. Кислый, сладковатый, затхлый, он струится во внешний мир по коридору. Обжигает ноздри и оседает на задней стенке гортани, как порошок.

Стараемся дышать неглубоко.

ЖЕНЩИНА, 74 ГОДА, УПАЛА БЕЗ СОЗНАНИЯ

Больной всегда без сознания. Это прописная истина для телефонных звонков в скорую. Даже если пациент позвонил сам, он всегда без сознания.

Мы приближаемся к квартире. В дверном проеме кружатся мухи. Вонь сгущается, разворачивается, охватывает нас. Она состоит из разных слоев, у нее есть текстура. Она осязаема, она присутствует в помещении, как силовое поле. Действует, как химическое оружие.

На заднем плане – застарелый запах сигаретного дыма. Въевшийся в стены за многие годы желтушный туман сочится наружу, как будто у дома эмфизема. За ним пробивается влажный дух застоявшегося пота, прогорклого, как масло, месяцами копившегося в вялых складках немытого тела до раздражения кожи. Затем нас, словно злая усмешка, встречает вонь прокисшей мочи, напоминающая бражку, сахаристая и кислая, как уксус. И наконец, самый острый из них, тошнотворный результат несварения желудка, едкий, гнилостный дух, почти что осязаемый на вкус: диарея.

Отключиться от этих запахов невозможно.

– Заходите, ребята. Спасибо, что приехали.

В дальнем конце коридора показывается лысая голова. Еще кто-то не спит в эту рань.

– Это моя соседка снизу. Ей плохо.

Мы заходим в квартиру. Ковры вытерты и сбились в складки, под ними виден бетон. Пол замусорен смятыми письмами из домоуправления, рекламой доставки пиццы, обертками от продуктов и салфетками. Желтые обои отклеиваются по швам, а на стыках стен и потолка плотная сетка паутины, нагруженная пышными комьями пыли. Пожарная сигнализация пищит: «Би-и-ип! Замените батарейку!» Каждые сорок секунд: «Би-и-ип!»

– Как ее зовут?

– Маргарет. Пегги.

Комната освещена единственной голой лампочкой без абажура, но ее перебивает более яркий свет огромного телеэкрана. Он царит посреди комнаты, как монарх при дворе, и из него разноцветным водопадом льются сцены жизни, какая могла бы быть и у Пегги, если бы все обернулось иначе. Звук приглушен до непрекращающегося монотонного бормотания.

Рваные занавески висят под подоконником: карниз оборвался, не в силах больше выдерживать их вес. Стены совершенно лишены декора: ни черно-белого свадебного фото, ни снимка внуков в школьной форме. Ковер в этой комнате не виден, а осязаем: когда мы входим в дверь, подошва пристает к нему, как вьетнамки к мокрому песку.

У Пегги не так много мебели. На небольшом журнальном столике в коричневых кругах от кофейных кружек стоит стеклянная пепельница, переполненная окурками, крошками табака и заплесневелыми остатками мандаринов и других фруктов. В кружках опивки, покрывшиеся коркой, на полу валяются остатки пищи: стаканчики из-под йогурта с колониями синей плесени, жирные обертки, кишащие мухами и опарышами.

Диван разваливается и пытается сложиться, из протертой обивки торчит поролон, изначальный цвет уже не разобрать. Вокруг этого одра на расстоянии вытянутой руки стоят пять

или шесть ванночек из-под мороженого, при виде которых становится ясно, откуда исходит неотвязная вонь: по-видимому, каждая из них наполнена мочой.

Посреди дивана сидит Пегги. Руки и ноги вяло торчат в стороны, но глаза упрямо смотрят перед собой.

– Доброе утро, Пегги. Кажется, вам нужна помощь.

* * *

Любая профессия окутана некой мифологией. Вокруг нашей профессии есть некий ореол приключений, но не позволяйте ему ослепить вас. Не всегда разноцветные мигающие огоньки означают, что рядом дискотека.

Возможно, «скорая помощь» звучит захватывающе. Пугает и завораживает одновременно. Гонки по пробкам, непредсказуемость, несчастные случаи в общественных местах, кровь. Неуловимый привкус опасности и увлекательных приключений.

Это видно, когда люди спрашивают, чем я занимаюсь. Отвечаешь: «Я – фельдшер[1]», и они приподнимают брови и чуть-чуть наклоняют голову вправо:

– Ух ты!

И вот уже ты на несколько секунд, совсем ненадолго, стал немного интереснее.

– Никогда бы не смог этим заниматься…

Не думаю, что все представляют себе постоянный прилив адреналина. Но всех занимают сюжеты о беде и спасении, тем более сюжеты из жизни, приправленные узнаваемыми подробностями.

Легко угадать, каким будет следующий вопрос. Тяжелые события в жизни людей, с которыми никогда не придется столкнуться, вызывают у всех прилив интереса в смеси с чувством вины. Поэтому, конечно, все спрашивают:

– А какой самый страшный случай в твоей практике?

Задавая этот вопрос, люди хотят услышать ужастик по сходной цене. Они хотят услышать про мужчину, который отрезал себе ладонь механической пилой, или про девочку, у которой торчит из глаза ручка. Чем страшней, тем лучше. Идеально, если в рассказе фигурирует огромная лужа крови. Люди с удовольствием слушают истории об оторванных конечностях и бурно ахают, услышав о выпадающих внутренних органах.

Чего они точно не хотят, так это рассказа, как тридцатичетырехлетняя пациентка со второго этажа с заболеванием двигательного нейрона, лежа на кровати для лежачих больных, вместе с мужем разыгрывает сценки, чтобы отвлечь двоих детей. Или как пожилая дама пытается побить мужа тростью, потому что теперь ей кажется, что в дом проник грабитель, а он удерживает ее за запястья и утирает слезы о плечо, об рукав идеально выглаженной рубашки. Это неправильные «страшные вещи». Все это слишком близко, слишком грустно, слишком жизненно. Драки со стрельбой случаются где-то там: на экране, в новостях, в трущобах. Но деменция может поразить вашу маму.

И решительно никто не хочет услышать, как нам пришлось извлекать женщину из ее собственных экскрементов.

---

[1] Фельдшер – специалист со средним специальным медицинским образованием, который имеет право проводить диагностику и устанавливать диагноз, проводить самостоятельное лечение или направлять пациента к врачу-специалисту. В странах с англо-американской моделью экстренной помощи используется термин парамедик (Здесь и далее – *Прим. ред.*).

* * *

Пегги похожа на злую ведьму из сборника сказок, выпущенного двадцать лет тому назад. Ее волосы – как старый пеньковый канат, отдельные пряди желтые, как куркума. Лицо – цвета засохшей на солнце овсянки. Кожа свешивается тяжелыми крупными складками, из них упрямо выглядывают бусинки глаз.

– Мне не нужна ваша помощь.

– Почему, Пегги?

– Мне не нужна ваша помощь.

Она бормочет эти слова, как будто передает послание, затверженное наизусть. Только непонятно, от кого оно и кому адресовано. Если она и была когда-то злой ведьмой, то все ее коварные планы давно пошли прахом. Хотя она по-прежнему способна напугать ребенка, заблудившегося в лесу и забредшего к ней в хижину.

– По-моему, у вас нет выбора, Пегги. Мы не можем вас так оставить. Почему нам нельзя вам помочь?

Она пытается защитить себя: протягивает руку к своему другу – пульту от телевизора – и делает звук громче. Затем роняет руку на колени. Под ее ногтями, напоминающими птичьи когти, черные каемки.

Мы поворачиваемся к соседу.

– Что произошло?

– Я шел на работу. Я тоже работаю посменно, как и вы. Услышал, что она кого-то зовет. Дверь была открыта. Я не знал, что увижу в квартире. И обнаружил Пегги.

– Как долго она могла пробыть в таком состоянии? То есть… Кто-нибудь ее навещал?

– Я с ней виделся только один раз. Два месяца назад. У подъезда. Она тогда была не такая, она ходила. Никогда не был у нее дома.

Ясно одно: Пегги в западне. Вероятно, процесс начался, когда она от усталости или слабости – может быть, заболела, может быть, махнула на себя рукой – прекратила выполнять функции, необходимые для нормальной жизнедеятельности. В попытках облегчить себе жизнь она сузила мир до пределов досягаемости: что входит в организм, что из него выходит и чем отвлечь мозг. Но теперь запас мандаринов и йогурта закончился, контейнеры с мочой переполнены, и она тонет в протекающей наружу смеси собственных отходов.

– Вы можете подняться с кресла, Пегги? Можете встать и дойти до ванной?

– Могу.

– Покажите нам, пожалуйста.

– Нет.

– Почему?

– Я смотрю телевизор.

– Что вы смотрите, Пегги?

Не отвечает.

– Что вы будете есть?

Не отвечает.

– Какой сегодня день недели, Пегги? Какой сегодня день?

Не отвечает.

– У вас есть семья, Пегги?

Не отвечает.

– Может, кто-то из друзей живет неподалеку?

Не отвечает.

– Соцработники не приходят? Пегги, к вам ходит соцработник?

Не отвечает.

Би-и-ип!

Это пожарная сигнализация.

– Пегги?

– Оставьте меня в покое.

– Как вы думаете, что случится, если мы вас тут оставим?

Вся жизнь Пегги свелась к сегодняшнему моменту. Сейчас у нее нет ничего, кроме сбоящего организма и дрянных обстоятельств. Она – животное, без прошлого, без родной среды, без личности. Беззащитная и зависимая.

Если она останется на месте, то практически наверняка умрет. Вот как это происходит. Не сразу: поначалу она будет деградировать постепенно. Ее дыхание не затруднено, сердце не собирается отказывать. Но ноги перестали выполнять главную функцию и не могут унести ее из опасной ситуации. У нее разовьется какая-нибудь инфекция, и деградация ускорится. Проще говоря, она попала в яму и не в состоянии вылезти. Ей нужно помочь.

Никто больше не придет. Это ее шанс. Она закричала в пустоту, и спасители пришли. Странная пара, но эти двое хотят и могут помочь. У нее появилась возможность попасть в безопасное место, где ее приведут в порядок и помогут начать жизнь заново. Но, как ни удивительно, она хочет отослать их прочь.

Почему люди отказываются от помощи, когда столь очевидно в ней нуждаются? Какая злодейская мутация психики так извращает наше мышление? Вечный парадокс моей профессии состоит в том, что пациенты, которым сильнее всего нужна помощь, отказываются от нее, в то время как абсолютно здоровым людям не терпится попасть в приемный покой больницы.

Я уверен, что тут есть доля гордыни: часто люди слишком упрямы, чтобы принять чью-то помощь. Кроме того, многие из нас страшно боятся доставить другим неудобство или тем более стать обузой. Может быть, Пегги не осознает, как серьезно ее положение. А может быть, не хочет осознавать: отрицание тоже очень сильно этому препятствует.

Если Пегги настроена столь стоически, то отсюда всего шаг до стыда перед болезнью и до ощущения унижения от признания своего зависимого положения. Получается, мозг Пегги, как и ее тело, тоже попал в западню?

Когда описываешь ситуацию черным по белому и оцениваешь ее хладнокровно, кажется немыслимым и почти оскорбительным, что всего лишь краткий момент стыда перед физической беспомощностью может заставить человека пренебречь собственной безопасностью, даже, может быть, жизнью. Но представьте себе: вас тащат в больницу, вы слабы и беззащитны, покрыты собственными нечистотами и счастливы были бы позаботиться о себе сами, но сил у вас нет даже на самые базовые функции. Мало что в мире хуже, чем оказаться в плену своего личного бардака; но наверняка куда более неприятно, если этот бардак увидят окружающие. Даже если мы больны или сломлены, даже когда мы совершенно не справляемся с ситуацией, мы не просто животные с разладившимся организмом, вырванные из родной среды.

* * *

Пульт управления выглядит как источник заразы, хотя мы в перчатках. Я беру его и нажимаю на красную кнопку. Калейдоскоп на плоском экране исчезает. Тишина. «Би-и-ип!» Я сажусь на корточки перед диваном.

– Вот что сейчас будет, Пегги. Мы встанем по разные стороны от вас и поможем вам встать. Мы посадим вас в инвалидное кресло, завернем в это одеяло и отвезем в машину скорой помощи. Сейчас раннее утро. Вокруг никого нет. Вас никто не увидит. Мы быстренько отвезем вас в больницу. Там будет немного народа, и мы сразу отведем вас в душевую. Там вас приведут

в порядок, накормят и проверят здоровье. За вами поухаживают, Пегги. Вам помогут, и вам станет лучше.

Пегги мотает головой. Она упрямится. Мой коллега присаживается на корточки рядом со мной.

– Я знаю, что вам страшно, Пегги. Мне бы тоже было страшно. Но когда вы утром услышали соседа, вы позвали на помощь. Вы же понимали, что что-то не так, правда? Поэтому вы закричали. И вот мы приехали. Через пару часов вам будет намного лучше. Обещаю.

Сосед кладет руку ей на плечо.

– Ну что ты, Пегги. Пусть они тебе помогут. Пожалуйста.

Молчание.

А затем Пегги кивает.

Мы становимся в нужную позицию, по бокам от Пегги, и беремся за самые чистые куски одежды, которые можем найти. Мы уже знаем, какая сейчас будет вонь.

– Вы готовы, Пегги?

Пегги кивает.

Мы делаем глубокий вдох.

Рассерженный молодой человек дерется с полицейской машиной до потери сознания

Мое путешествие в мир скорой медицинской помощи началось по капризу судьбы. Можно сказать, я наткнулся на эту работу случайно. Я не шел к этому всю жизнь. У меня не было ни непреложного ощущения предназначения, ни медицинской подготовки, ни опыта ухода за больными. Я не был волонтером: не отвозил пациентов в больницу, не помогал адаптироваться людям с психическими расстройствами и не дежурил в палатке Скорой помощи Святого Иоанна. Я был желторотым новичком. У меня было некоторое представление, с чем приходится иметь дело фельдшерам: ДТП, инфаркты, алкогольные отравления – но я никогда не пытался выяснить, верно ли оно. Я работал клерком, и мне нужен был глоток свежего воздуха. Как офисный планктон, я подумал, что трудности помогут мне обрести чувство осмысленности. Можно сказать, что я хотел круто изменить свою жизнь. Можно сказать, что я импульсивно откликнулся на зов новизны. А можно назвать мое решение безрассудным шагом человека без планов на будущее.

* * *

Бум!

Его глаза распахнуты. Голова опущена. Ноздри раздуты от злости.

Бум!

Плечи опущены, руки прижаты к телу, корпус напряжен, будто он пытается освободиться от наручников.

Бум!

С носа свешиваются длинные сопли, мотающиеся туда-сюда в ритме его носорожьего дыхания.

Бум!

Его лоб красный от ссадин, как раздавленная клубника, зубы сцеплены, губы приоткрыты, челюсти судорожно сжаты. Вены на шее и висках вздулись. С лица стекает пот.

Бум!

Он уставился мне прямо в глаза. Наши лица не дальше метра друг от друга.

Бум!

И через каждую пару секунд он выдвигается вперед и колотится головой о защитный экран.

Бум!

Усиленный плексиглас трещит и содрогается. Металлическая решетка постепенно искривляется. Он отступает на шаг назад, втягивает носом сопли, выставляет подбородок вперед, пучит глаза и издает гортанный рык.

Бум!

Вдох, хлюпанье носом, напряжение мышц и удар головой.

Бум!

Он пошатывается. Плечи ходят туда-сюда. Полицейская машина заворачивает за угол, и он спотыкается, но удерживается на ногах. Он моргает и отворачивается. Может быть, сейчас он, наконец, прекратит?

Бум!

Это представление. Шоу. Упрямый уход в темноту.

Бум!

Игра на выносливость. Как будто держишь спичку, пока не обожжешься.

Бум!

Как будто сжимаешь в ладони компас и колешься об стрелки.

Бум!

Игра, при которой мужчина не переставая, изо всех сил бьется головой об ударопрочную деталь.

Бум!

До тех пор, пока не начинает шататься. Глаза у него закрываются, голова запрокидывается, колени подгибаются. Он падает на стену машины и съезжает на пол.

Бум!

* * *

В шесть лет все мальчишки в нашей школе хотели быть дальнобойщиками или футболистами. Девочки стремились стать балеринами или учительницами, так уж повелось. Дальнобойщики сидели в высокой кабине, им можно было остановиться в любой момент, купить шоколадный батончик и съесть прямо за рулем, и даже, может быть, запить газировкой. Или зайти в «Босс Хогз», таинственное кафе на автостраде, где весь день подавали завтрак. Тогда, в восьмидесятые, все помешались на пищевых волокнах, и все обязательно было цельнозерновым и необработанным: цельнозерновой хлеб, цельнозерновые макароны, коричневый рис и даже цельнозерновые пирожные. Заехать в кафе и съесть яичницу с сосиской и картошкой фри в любой момент – это было настоящее приключение.

На следующий год мы стали метить выше и захотели водить поезда: выяснилось, что машинисты ездят быстрее дальнобойщиков и им не надо отвлекаться на руль. Это было вполне разумно и логично, хотя машинистам приходилось все планировать заранее и брать шоколадный батончик с собой. Еще через год мы стали мечтать о профессии астронавта (они еще быстрее), затем – зоотехника в зоопарке (после школьной экскурсии), полицейского, пожарного, каскадера. Фельдшер – или, как мы бы тогда сказали, водитель скорой помощи – никогда не был работой мечты: будем честны, это казалось недостаточно мужественным и слишком напоминало работу медсестры. Правда, я не помню, чтобы кто-то выражал желание стать бухгалтером, юристом или чиновником. В то время мы ничего не знали о такой штуке, как вероятность.

Занятия по профориентации в старших классах были забавные. Преподаватель химии – возможно, кто-то удивится такому выбору – долго распространялся о том, какая замечательная бизнес-модель у сети магазинов носков, и отвлекался на пространные размышления о парадоксе выбора:

– Ребята, вам так повезло. У вас столько возможностей. Но помните: чтобы эти возможности пошли вам на пользу, нужно сделать выбор. И… оп! Как только вы сделали выбор, все остальные возможности исчезают…

За этими оригинальными наставлениями следовало психологическое тестирование для выявления подходящей профессии. В опросниках нам предлагалось решить загадки с двойным дном и выбрать одно из нескольких решений разных дилемм, например:

Какое действие даст вам наиболее сильное чувство удовлетворения?

– соорудить убежище для раненого животного;

– решить математическую задачу на виду у зрителей.

– объединить группу незнакомых людей, чтобы издать журнал.

На основании результатов сконфуженным подросткам выдавались варианты будущих профессий, как будто нас подключили к какому-то диагностическому суперкомпьютеру. Либо алгоритм был кривой, либо мои одноклассники врали, потому что почти всем посоветовали стать ландшафтными дизайнерами или инженерами-сметчиками, а зачастую и тем и другим.

Конечно, некоторые ребята всегда знали, чем будут заниматься. В основном это были дети, которые должны были пойти по стопам родителей, как будто их будущее было уже полностью распланировано и не подлежало обсуждению: девочка из семьи двух врачей, которая уже в тринадцать лет решила взять три занятия по естественным наукам и три по математике и получить по ним высший балл, или сын ювелира, который ловко обращался с числами и собирался уйти из школы в шестнадцать лет, чтобы обучаться семейному бизнесу.

Но большинству из нас казалось, что от планирования будущей трудовой жизни нужно отбрыкиваться как можно дольше, потому что начать планировать – значит признать, что однажды работа станет главной частью нашей жизни на целую вечность из 15 000 и больше дней, уходящих за горизонт. Мы были заняты другим. Мы переписывали компакт-диски на девяностоминутные кассеты и дарили их друзьям, копировали сложные рисунки с обложек вручную, и поскольку большинство альбомов были длиной примерно 48 минут, приходилось делать сложный выбор: какую песню выбросить, чтобы на каждой стороне кассеты поместилось по альбому. Будущее, лишенное музыки, было неизбежным, но вызывало протест; тот, кто сам добровольно сдавался перед этой необходимостью, предавал свою юность и своих сверстников. Если честно, никто из нас толком не расстался с этим ощущением.

* * *

Во время вызова говорят о двадцатипятилетнем мужчине. Сначала он был без сознания, потом у него случился приступ, потом возникли проблемы с дыханием. Потом еще один приступ. Поступающие сведения запутаны. Вроде бы он в полицейском участке, потом – на улице. Потом приходит сообщение, что на месте происшествия полиция, потому что пациент «брыкается».

Мы останавливаемся в переулке и видим, что на асфальте, наподобие карикатурного Гулливера, на боку лежит мужчина, а к нему склонились шестеро полицейских и удерживают его на месте. Мужчина одет в камуфляжные штаны и тяжелые высокие ботинки со шнуровкой и металлическими «стаканами». У него короткие черные волосы, шрамы на щеках и темная монобровь, галочкой спускающаяся к переносице. Кожа туго натянута на скулах, а на белках глаз видны мельчайшие розовые разводы сосудов, проступивших от ярости. Он весь напряжен, как тетива арбалета, готового к выстрелу.

– Твари позорные, быстро меня отпустили, а то каждому набью вонючее рыло! Колени вышибу, уроды!

По напряженным мышцам видно, что он не шутит. Он внезапно делает рывок, пытаясь вырваться на свободу, и извивается всем телом. Полицейские хватают его, держат, прижимают к земле, но он умудряется вырвать одну ногу и пинает женщину-полицейского, точнее – толкает подошвой в грудь. Он сбивает ее с ног, она падает, но вскакивает, прыгает обратно, снова хватает ногу и прижимает ее к земле, и снова он в плену.

– Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ар-р-р-р-р-р-ргх!

Он словно зверь, отбивающийся от ловцов. Бушующее пламя, в которое подкинули топлива, еще не перегоревшее. Побежденная, но не сдавшаяся сила. Бунт против машины.

Его тело сковано, поэтому вся сила этого бунта перетекает в речь. Он по очереди неотрывно смотрит на каждого полицейского, старается заглянуть в глаза и поливает руганью каждого лично:

– Эй! Франкенштейн! Я тебе в глотку насру! А ты, имбецил! Я тебя выдеру в жопу сапогом, пока зубы снизу не выбью!

Непристойности – преувеличения, преуменьшения, пугающие, абсурдные – вылетают сквозь щели в ломаных, но белых зубах вместе со слюной.

Судя по всему, произошла какая-то перепалка, потом кто-то решился на крайние меры, потом с пациентом случился припадок. Эпилептический припадок? Никто не знает точно: как рассказали полицейским, было много злобных воплей, и пациент колотился в истерике. Это не очень похоже на припадок болезни, но очевидцам не всегда стоит доверять. Когда вопли продолжились, подошла полиция, но настроение пациента от этого не улучшилось. Его попросили успокоиться, он стал еще сильнее выпендриваться и хамить, ситуация накалилась, пациент шатался вокруг и молотил руками. Когда он собрался переходить от слов к делу, его удержали за руки. У него был еще один припадок: он еще раз зашелся в крике, и постепенно дошел до нынешнего состояния.

Рядом с ним женщина, робкая девушка в большом капюшоне и очках с толстыми стеклами. Она сжимает чемодан на колесиках и сумку с пожитками и неотрывно смотрит в стену. На мой вопрос, что произошло, она глядит вниз, на свои туфли, и говорит, что ничего не видела.

– У него есть хронические заболевания?

– Не знаю.

– Он принимает таблетки?

– Нет. Да. Я не знаю, как они называются. У него эпилепсия.

– Как его зовут?

– Стивен. Я не знаю фамилии.

– Какая у Стивена дата рождения?

– Не знаю.

– Ну ладно. А вы ему кем приходитесь?

– Я его жена.

Она поворачивается к нам спиной и ничего больше не говорит.

Я беру Стивена за руку, чтобы пощупать пульс. Пульс ускоренный, как и дыхание. Он явно на взводе, но вопрос: отчего? Вариантов масса. Я присаживаюсь так, чтобы он меня видел, и говорю как можно спокойнее:

– Стивен! Ты меня слышишь, Стивен? Здорово, приятель. Это скорая. Сочувствую, что тебе так плохо. Мы приехали тебе помочь. Хотим убедиться, что все в порядке. Помочь тебе прийти в себя? Можно тебя осмотреть? Не возражаешь?

Он смотрит мне в глаза с беспримесной, личной ненавистью.

– Только тронь меня, пидорок. Голову тебе снесу с ноги и мозги раскатаю по асфальту. Вы когда-нибудь просыпались с чувством, что вас парализовало? Вот и я однажды сидел в офисе с кондиционером, правая рука – на мышке, в левой – кружка остывшего чая, и поймал себя на мысли, что, возможно, никогда не выберусь из этого вращающегося кресла на пяти колесиках, потому что каким-то образом оно срослось со мной или я с ним. Может быть, я спал с открытыми глазами, а может быть, я просто незаметно перебрался жить в офис: вытянул ноги под столом, завел большую упаковку «Кит-Ката» и зубную щетку в нижнем ящике стола? Может быть, где-то уже хранился спальный мешок? Раскладушка? Электрочайник со встроенным будильником?

Передо мной был целый экран непрочитанных сообщений, список заданий на день, стопка проектов, которые надо было прочитать и по итогам составить отчет. И я не мог отделаться от смутного опасения, что только зазеваюсь, как засну снова и проснусь в точно такой же позе через сорок лет.

* * *

Стивен поедет в отделение неотложной помощи, потому что в таком состоянии его некуда больше девать. Он не усидит в кресле, не ляжет на койку, а в машине на ходу полицейские

его не удержат. Поэтому он поедет за решеткой в полицейском фургоне. Его заводят внутрь и захлопывают двери. Я вместе со всем оборудованием тоже занимаю место в задней части фургона, но на безопасной стороне, за защитным экраном.

Как только мы трогаемся с места, начинается фырканье, выпученные глаза и битье головой об стену.

Бум! Бум! Бум! Бум!

Ехать недалеко, но времени достаточно, чтобы он нанес себе вред. Мы сделали все, что можем, чтобы не дать ему это сделать. Теперь мы включили мигалку и предупредили больницу, что едем. Там ему не обрадуются. Я стараюсь спокойным тоном убедить Стивена перестать издеваться над собой. Но этот поезд не остановить. Пока он не осел на пол, он, по моим прикидкам, раз двадцать бухнул головой об экран.

– Можете остановиться?

– Что-то не так?

– Он упал.

– С ним все нормально?

– Не уверен. Давайте вытащим его.

Мы идем к задней двери фургона, полицейские открывают металлическую дверь, но пока не отпирают решетку.

– Стивен? Стивен? Ты там как?

Ответа нет. Полицейские открывают клетку.

– Стивен?

Я беру его за запястье и чувствую хороший, сильный пульс. Я открываю глаз и направляю туда луч фонарика. Меня накрывает слабая тень паники. Но затем Стивен вздрагивает, оглядывается и, ни секунды не медля, вновь разражается залпом ругани:

– Руки убери, дерьма кусок! Куда вылупился, урод? А?

Мы направляем Стивена обратно на сиденье, но он встает и начинает пинать стены клетки. Мы снова закрываем дверь, прыгаем обратно и трогаемся с места. Опять начинаются удары головой: бум! бум! бум!

* * *

Когда я работал в офисе, никто в меня не плевался. Никто меня не толкал, не бил и не пинал, и даже не угрожал физическим насилием. Я нечасто слышал ругань в свой адрес. Мне никогда не приходилось работать в ночную смену или в выходные. В целом все было чинно и безопасно. И тем не менее…

Не то чтобы я терпеть не мог свою работу. Я просто чувствовал, что съеживаюсь. Засыхаю. Сжимаюсь. Ежедневные телодвижения могли занять мозг примерно так же, как хороший кроссворд помогает в профилактике старческого слабоумия, но никак не влияет на более глубинные воззрения. Мне не хватало чувства смысла, возбуждения, опасности. Чувства, что меня бросили в воду на глубине. Или что мне предстоят непредсказуемые испытания. Или что у моих действий есть какой-то смысл, кроме каких-то чисел в списке прочих чисел, и результат: надлом или исцеление, позор или развитие.

Без сомнения, я испытывал чувства, знакомые многим: что душа сохнет из-за остановки в профессиональном развитии; что нужен волшебный пинок под зад; или, как мы все пишем в типовых резюме, что хочется новых задач. Поэтому я с ослиным упорством включился в проект, для которого не имел ни профессиональной подготовки, ни подходящего склада ума. Я даже не подозревал, на что соглашаюсь.

Новорожденный слишком тихо себя ведет

Комната размером два метра на три, в ней хватает места только на двуспальную кровать и кушетку. А еще – плетеную корзинку-колыбель, нераспакованное детское кресло для автомобиля, коробки, громоздящиеся одна на другой, и несколько мусорных пакетов, набитых одеждой. И комод, на котором стоит телевизор. И пять человек. И собаку.

Занавески сдвинуты и в середине окна сколоты деревянными штырьками, чтоб в комнату не проникало солнце. В комнате темно, виден только яркий белый треугольник перины. Я жду, пока глаза приспособятся к темноте.

Из темноты проступает живая картина. Стоп-кадр. Все ждут указаний. Женщина, которая меня впустила, топчется у двери. На единственном свободном участке пола присел ее сын. Он мертвецки бледен и на грани обморока, но я приехал не к нему. Его подруга – усталая, раскрасневшаяся, вся в поту, то плачет, то смеется – в одном халате лежит на кровати, широко раздвинув ноги, приподнимаясь на локтях посреди целого болота насквозь мокрых бумажных салфеток. А между ног у нее лежит дочь, появившаяся на свет меньше пяти минут назад, бледная, вялая, вся в околоплодных водах, мекониии[2] и крови, неплотно закутанная в полотенце.

– Ну что же, поздравляю!

– Спасибо.

* * *

Задолго до того, как я задумался о жизни в бледно-зеленой форме, мне было предупреждение, но я к нему не прислушался. Позорный опыт, благодаря которому я должен был бы кое-что о себе понять. Это событие должно было сработать как знак: «Не входить!», но вместо этого раскрутило маховик, который до сих пор не остановился.

Забавно, что унижение может подстегнуть честолюбие. Любой, кому довелось смачно облажаться на публике, знает, как это раззадоривает. Может быть, сначала вам захочется навсегда поселиться в противоядерном бункере, но со временем этот плотный туман сожалений превращается в горячее желание преодолеть свою неудачу, и не успеешь оглянуться, как самое страшное позорище прорастает семенами небольшой победы.

* * *

Я оглядываюсь в поисках свободного места, куда можно положить снаряжение. Как турист, отправляющийся в незнакомое место, – или фельдшер в стремлении предотвратить несчастье – я взял с собой все, что мог унести в руках.

На секунду становится тихо. За исключением собаки. На месте происшествия всегда есть какая-нибудь собака. Она подпрыгивает и тявкает, как живой метроном, на единственном свободном месте – прямо у меня под ногами. Я обращаюсь к новоиспеченной маме.

– Как вас зовут?

– Ребекка.

– Хорошо, Ребекка. Вы отлично справились. Мальчик или девочка?

– Девочка.

– Отлично. Давайте посмотрим на вашу девочку.

---

[2] Меконий (от греч. μηκώνιο) – первородный кал; первые фекалии новорожденного.

* * *

Команды скорой помощи испытывают смешанные чувства по поводу родов. Некоторые считают, что это самые простые вызовы на свете: больше всего старается мама, а медику нужно поймать младенца, протереть его, поставить зажим на пуповину, обрезать ее, обняться с родственниками и поздравить их. Вы участвуете в важном моменте в жизни семьи, вокруг улыбки, а потом вы сможете рассказать друзьям милую историю. Другие считают, что роды – дело неопрятное, непредсказуемое и нервное (в первую очередь, неопрятное), а если что-то пойдет не так, то помочь очень сложно. Акушерки столь невозмутимы, потому что у них за плечами долгое и сложное обучение, но для врачей скорой помощи и фельдшеров родовспоможение – одна из многих областей, в которых мы обладаем базовыми знаниями и надеемся, что их хватит. Я знаю немало команд, которые с удовольствием поедут на вызов к пациентам с тяжелыми травмами, остановкой сердца или обострением психической болезни, но сделают все возможное, чтобы избежать беременных и рожениц.

Я честно признаюсь, что в начале моей работы на скорой помощи ничто не внушало мне такого ужаса, как мысль, что мне придется принимать на руки новорожденного младенца и брать на себя ответственность за первые минуты его жизни. Это дело серьезное, а я в этой области уже отличился.

* * *

Сегодняшние роды застигают меня посреди смены. Сообщение приходит отдельными порциями. Бип – бип – бип:

ЖЕНЩИНА, 22 ГОДА, БЕРЕМЕННАЯ, НАЧАЛИСЬ СХВАТКИ. КАТЕГОРИЯ 2.

Я километрах в восьми от места вызова, один в машине быстрого реагирования. Я включаю мигалку и сирену, но пока что все выглядит довольно безобидно. Я застреваю на перекрестке, и система оповещения снова пищит. Следующее сообщение:

ОТОШЛИ ВОДЫ.

Затем:

НАЧАЛИСЬ ПОТУГИ.

Чувствуется, как на том конце провода растет напряжение. Я запихиваю в карман несколько пар перчаток и отмечаю про себя, какое оборудование мне понадобится. Это трудно предсказать, но лучше перестраховаться. Про потуги я уже слышал. Но пока я не увижу все своими глазами, меня одолевают сомнения.

Минуту спустя:

РЕБЕНОК РОДИЛСЯ. КАТЕГОРИЯ 1.

Я в двух милях. Я прибуду туда первым, но за мной туда должна прибыть полноценная машина скорой помощи. Снова писк:

РЕБЕНОК ВЯЛЫЙ. ДЫХАНИЕ ЗАТРУДНЕНО.

Еще одно сообщение из диспетчерского центра:

НЕТ СВОБОДНЫХ МАШИН СКОРОЙ ПОМОЩИ. ДЕРЖИТЕ НАС В КУРСЕ ДЕЛ.

Что в переводе означает: «Ты предоставлен самому себе».

Инстинктивная реакция – газ в пол. Сирена. Лихость. Скорость. Гонка через все пробки, потому что важна каждая секунда. Но инстинкт глуп, и его нужно обуздать. Побеждает другая точка зрения: сосредоточенность. Ясность. Вместо спешки – постепенное продвижение вперед. Повышенная скорость, но никакого дополнительного риска.

Я представляю себе лебедя. Методичные гребки. Медленное, глубокое дыхание. Над водой видна только безмятежность. Я решаю, что взять с собой, планирую, что сделаю первым делом. Сначала оценить ситуацию. Действовать как можно проще. Нельзя будет сразу поехать в больницу, поэтому я буду лечить, как смогу.

Во всяком случае, таков план.

* * *

Первым делом я разворачиваюсь и выхожу из комнаты. Я оставляю все свои сумки в прихожей и возвращаюсь с тем, что мне сейчас нужнее всего: набором предметов первой необходимости для матери и ребенка и кислородным мешком.

– Нельзя ли куда-нибудь увести собаку?

– Он будет не рад.

– Он как-нибудь переживет.

Собака пытается нырнуть под кровать, но новоиспеченная бабушка настроена решительно. Она хватает тявкающего пса за ошейник и тащит его из комнаты по ламинату. Я обхожу отца.

– Не очень хорошо себя чувствуете?

– Кажется, он пока не справляется с ситуацией.

– Но ведь всю работу сделала ваша подруга!

Я разрываю пакет с вещами первой необходимости.

– Шучу. Это настоящий шок, правда? Может, залезете на кровать? Расчистите там место и лягте.

Молодой отец забирается на кровать, как будто покоряет Эверест, и прислоняется к стене. Лицо у него серого цвета.

– Вот так, а теперь посмотрим на малышку. Во сколько она появилась?

Я беру девочку у мамы и кладу ее на полотенце.

– Минут пять назад?

Пуповина еще не разрезана, поэтому ее не унести далеко. В такие моменты все очень хорошо знакомо. Я начинаю вытирать малышку.

– Вы придумали ей имя?

– Нет еще.

Малышка дышит, но я еще не слышал крика. Я начинаю с головы и лица, энергично растираю ее, убираю грязь, оставшуюся после недавних мучений, потом спускаюсь к груди и спине, собираю полотенцем блестящую влагу, поворачиваю полотенце в поисках сухих мест для ягодиц, ручек и ножек, стараюсь вызвать реакцию. Мне было бы куда веселее, если бы я услышал крик.

Рация жужжит: «Внимание, внимание, требуется экипаж скорой помощи, сохраняется ситуация: младенец родился до приезда скорой, на месте специалист быстрого реагирования, требуется экипаж».

Это про меня. Но никто пока не спешит на помощь.

Я немного беспокоюсь, но я не хочу, чтобы родители это заметили. У мамы усталый вид, а папа – белый как мел. Если он запаникует, это его добьет. У меня сейчас два пациента, и мне не нужен третий.

Цвет кожи у малышки мог бы быть лучше, и она по-прежнему вялая. Если ребенок получает достаточно кислорода, эти показатели улучшаются. Этой девочке нужно закричать. Издать отчаянный вопль новорожденного, громкую жалобу существа, выброшенного из рая прямо в лужу. Писк, выталкивающий жидкость из легких и наполняющий их воздухом. Пока что она не издала ни звука.

* * *

Каждый, кто когда-то чувствовал, что не соответствует требованиям, поймет, как сложно будущему отцу в дни ожидания большого события. Его роль идеально описывается термином «запасная часть». Беременность и роды даже в лучшие времена представляют собой загадку для мужского ума, но лишь когда начинается гонка с неопрятным финалом, ее участник-мужчина, до сих пор уверенный в том, что находится в центре событий, вдруг понимает, насколько он неважен. Проще говоря, чем он может помочь? Его сведения об организме жены устарели на девять месяцев. У него нет никаких нужных навыков. Родной человек мучится все сильнее? Он не может это изменить. Вот-вот появится на свет его дитя? Это случится вне зависимости от его участия или неучастия в процессе. Никогда в жизни он не был так сильно вовлечен в ситуацию, на которую столь бессилен повлиять.

Именно в этом положении сейчас находится парень Ребекки, Джеймс, и, кажется, он глубоко задумался над этим вопросом. Может быть, он думает: удивительно, что именно отцовство влечет за собой такое чувство бессилия. А может быть, просто все это дело для него тяжеловато.

Порядочного мужчину, присутствующего при родах, раздирают противоречивые желания. Он хочет поддержать свою спутницу – разделить с ней все тяготы, ободрить, побыть хорошим парнем, – но он в совершенно непривычной ситуации и страшно боится сказать или сделать что-то не то. Он не может почувствовать ту же боль, но, может быть, он может посочувствовать?

– Хочешь воды?

– Нет! Нет!

Она отталкивает стакан.

– Схватки усиливаются?

– Конечно, усиливаются!

– Может, скоро будет полегче?..

– Я не хочу «полегче»! Схватки должны быть все сильнее и сильнее! В этом весь смысл. Ты разве не читал книгу?

На самом деле он и вправду пролистал эту главу, потому что его от нее тошнило.

– Воды!

Он подносит стакан к ее губам.

– Дай мне руку!

Он протягивает руку, она хватается за нее, лицо искажает гримаса: снова схватки. Она впивается в руку ногтями и сжимает ее, потом сжимает еще крепче. Он рад, что хоть чем-то полезен.

Другая стратегия поведения, популярная у тактичных отцов предыдущих поколений, – как можно меньше попадаться на глаза или тихо смыться. Преимущества подхода «с глаз долой – из сердца вон» понятны, но у него есть и недостатки. Уходя в самоволку, молодой отец рискует на всю жизнь прослыть дезертиром, удравшим с переднего края обороны.

Однако есть третий путь. Согласно этому сценарию, мужчина, обуреваемый чувством вины, ухитряется одновременно присутствовать и отсутствовать, демонстрировать намерение поддержать свою вторую половину и тем не менее пребывать в блаженном, абсолютно беспо-

лезном состоянии. Как так может получиться? Молодой отец добивается этого при помощи на удивление популярной тактики: он теряет сознание.

Похоже, что парень Ребекки, Джеймс, выбрал именно этот метод. Строго говоря, Джеймс не прошел весь путь и не упал в обморок прямо на пол, но укрылся в состоянии слабого недомогания. Непонятно, действительно ли Джеймс предпочитает упасть в обморок, но не дезертировать. В любом случае, очень хорошо, что его мама оказалась поблизости и смогла взять на себя бразды правления.

* * *

– Когда она появилась, она кричала?

– Нет.

– А потом?

– Нет. Это плохо?

– Это нормально. Просто нам, может быть, придется ей помочь.

– Что-то не так?

– Я перережу пуповину, ладно?

Я закрепляю на ней три пластмассовых зажима: один на каждой стороне и еще один, чтобы наверняка. Пуповина гладкая и скользкая, как желе, прочная, как канат, свитая в спираль и набухшая, как морское животное. Я чикаю изогнутыми ножницами, оставляя два зажима на стороне малышки. Я заворачиваю ее в сухое полотенце и кладу обратно на кровать, а затем выныриваю из комнаты за аспиратором[3]. Я заметил, что при дыхании у нее вокруг ноздрей образуются желто-коричневые пузырьки: возможно, во время родов в дыхательные пути попал меконий. Я убираю эти следы со рта и ноздрей крошечной пластмассовой трубочкой.

– Мама, как вы себя чувствуете?

– Нормально.

Она выглядит все более встревоженно.

– Голова не кружится?

– Нет.

– Схватки продолжаются?

– Нет, остановились. С ней все хорошо?

– Да, просто я хочу ее еще немного осмотреть.

– Похоже, что-то не так?

Я разворачиваю стетоскоп, прикладываю его к груди малышки и слушаю. Я слышу, как бьется сердце, вижу, как движется грудь, но мне по-прежнему не нравится ее цвет, вялость и молчание. Я достаю из упаковки маленький мешок Амбу[4] и надеваю на лицо малышке самую маленькую маску – немногим больше резинового наперстка.

– Не волнуйтесь, мама. Она дышит. Я просто хочу ей помочь.

– С ней все хорошо?

– Так часто бывает. Просто нужно немного простимулировать.

Я прикладываю стетоскоп к груди малышки и придерживаю маску. Я слушаю дыхание и нажимаю на мешок, чтобы протолкнуть воздух в легкие. Я напоминаю самому себе, что надо быть осторожнее: легкие очень маленькие, а руки рвутся нажать со всей силой. Но достаточно слегка ущипнуть мешок, и легкие расширяются.

---

[3] Аспиратор – медицинский прибор, использующийся в хирургической практике с целью удаления жидких сред из полостей организма, а также для очищения дыхательных путей.

[4] Мешок Амбу – механическое ручное устройство, предназначенное для искусственной вентиляции легких пациентов с нарушением дыхания.

Я делаю это полминуты. На первый взгляд безмятежная и трогательная сцена, но спокойствие может быть обманчивым. Пока я аккуратно нажимаю на мешок и смотрю на грудь, у меня в голове роятся мысли. Нет ли у мамы кровотечения? Я ее еще не осмотрел. Не холодно ли малышке? Вряд ли, здесь тепло. Не попал ли ей меконий в легкие? Насколько сильно встревожены родители? Не потеряет ли папа сознание? Может быть, я что-то упустил? Наверняка я что-то упускаю. Что делать, если ребенку не станет лучше? Если бы я был в родильном отделении, я бы мог нажать большую красную кнопку на стене, и пришла бы целая группа акушерок и гинекологов. Единственная кнопка, которую я могу нажать сейчас, – это кнопка на рации, а помощь по-прежнему далека. Ко мне вообще хоть кто-нибудь приедет?

И самый главный вопрос: все ли я делаю правильно?

Может быть, я так сомневаюсь в себе, потому что вижу участь Джеймса. Затруднительное положение молодого отца, который почти уже лег и не в силах принять участие в важном событии, слишком хорошо мне знакомо. Оно напоминает мне рождение моего первого ребенка, мой собственный «былинный провал». Я стоял рядом, стоял, подбадривал жену, протягивал таблетки глюкозы, приносил нужные вещи, стоял и стоял, пока события развивались и подтягивались другие люди, а затем настал «час икс», и я понял, что никак не могу удерживать вертикальное положение. Когда первый раз показался мой сын, меня охватил жар, прочный мир вокруг стал растекаться и двигаться в моих глазах, я повернулся, углядел кресло в самом подходящем месте, рванулся к нему и еле успел сесть.

Можно заметить, что неспособность удержаться на ногах в драматической медицинской ситуации – плохая предпосылка для работы в экстренной медицине. Кто-то даже скажет, что подобный опыт полностью закрывает возможность пойти по этой стезе. А что если он повторится? Представьте себе, что было бы, если бы я в самый ответственный момент, когда пациент мучается от боли, «поплыл» и решил принять горизонтальное положение…

Тем не менее людям свойственно испытывать себя на прочность. Наверное, мое решение было инстинктивным, но я скоро осознал его последствия. Мне пришлось смириться и даже подружиться со своими недостатками: нехваткой опыта, тревожностью, смутным страхом перед липкими красными жидкостями. Когда я сменил профессию, они маячили перед моим мысленным взором и казались мне огромными. Они оставались со мной во время обучения и преследовали меня во время дежурств. Я жаловался, что мне не хватает борьбы и преодоления, но теперь я получил все сполна: я испытывал ужас перед регулярными выступлениями на арене, где вечно не хватало страховочных сеток. Я сам вызвался компенсировать свои недостатки, окружить мою позорную тайну каркасом из знаний и навыков в непрестанной надежде, что со временем смогу выносить тяжелые ситуации самостоятельно. Я совсем не был уверен, что это сработает.

Сидя на корточках над новорожденной малышкой несколько лет спустя и бережно впуская кислород в ее легкие, я одновременно чувствую, что прошел долгий путь и что не продвинулся ни на шаг. Знакомый страх никуда не делся, но не я первый, не я последний его ощущаю. Все решает контекст. Другая роль, другие обстоятельства. Мои воспоминания не дают мне быть излишне самодовольным. Все обыденные и одновременно уникальные элементы сцены – теснота, жара, беспорядок, медицинские принадлежности, которые я принес; измотанная мама, ждущая ободрения, папа, прислонившийся к стенке, энергичная бабушка, лающая собака и особенно маленький, беспомощный младенец – не просто части задачи в реальном мире, но маркеры, позволяющие сохранять дистанцию и сосредоточиться на самой работе. Для какой-нибудь другой реакции просто нет места. Вспоминаем лебедя. Сосредотачиваемся на процессе. Спокойствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.